

III

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РАСКОЛ

Некоторое время в «Земле и Воле» шла борьба между сторонниками пропаганды и сторонниками терроризма. Длинная цепь событий в жизни революционной организации вызвала эти споры по вопросу о тактике, отражавшие, в свою очередь, различное понимание целей будущего движения. Кризис, который привел к расколу «Земли и Воли», касался и теоретических, и тактических вопросов. Критический момент наступил в спорах об убийстве Александра II. Выбор большинства в пользу убийства означал гибель «Земли и Воли». Плеханов стоял во главе противников расширения террора, и в особенности, войны против Александра II. Не будет преувеличением сказать, что его энергичное сопротивление вызвало раскол в этой замечательной революционной организации.

Несмотря на проведенную реорганизацию и принятие землевольцами более реалистических лозунгов, нельзя сказать, что результаты работы среди крестьян стали намного лучше. Бакунинский образ крестьянина как природного революционера, готового к действиям сразу, едва только будут произнесены правильные слова, мало напоминал крестьян в реальной жизни. Случалось, что крестьяне охотно прислушивались к подрывным речам юных революционеров¹; но это были отдельные случаи, обычно, когда народник селился в деревне, организовывал какое-нибудь дело, постепенно завоевывал доверие крестьян и, таким образом, оказывал влияние. Однако на такую работу уходили годы; и, уж во всяком случае, столь ограниченное влияние на горстку деревень среди их бесчисленного множества в России было очень далеко от тех успехов, о каких живописал Бакунин. По иронии судьбы, единственная группа революционеров, которой удалось вовлечь в революционный заговор несколько сотен крестьян Чигиринского уезда на западе Украины, сделала это с помощью поддельного царского манифеста. В нем говорилось, что чиновники и помещики прельщаются желанием царя передать землю крестьянам. Таким образом, революционеры могли призвать крестьян взяться за оружие в поддержку царя.

Тот факт, что одна такая уловка могла обеспечить массовую поддержку, очень многое говорит о безнадежности народнического дела в то время. Не удивительно, что Андрей Желябов, один из ведущих землевольцев, в отчаянии восклицал, что народники «бьются как рыба об лед». Не удивительно, что «Земля и Воля» постепенно сворачивала работу на селе.

Но отнюдь не все революционеры испытывали такое разочарование. Те, кто жил в сельских общинах, завязывали контакты с крестьянами и воображали, что последние сочувствуют их взглядам, не желали бросать с таким трудом начатую работу. Множество «деревенщиков» считали свою работу хорошим началом и тешили себя надеждой, что со временем она принесет плоды. Возможно, для некоторых основной причиной нежелания сдаваться была сила инерции; возможно также, что верность духу народничества и программе «Земли и Воли» не позволяла им делать удручающие, болезненные заключения относительно природной революционности крестьянства. Для многих, вероятно, просто не было другого пути. Они, как и Плеханов, ставший ведущим представителем этой фракции, не в состоянии были представить себе успешную революцию, которая не была бы народной. А поскольку крестьяне составляли подавляющее большинство русского народа, оставить все попытки обратить их в революцию было для них равносильно отказу от самой революции.

При том, что это соображение для Плеханова, безусловно, было самым веским, вполне вероятно, что в 1877—1879 годах его посещали смутные сомнения. Конечно, его собственный опыт работы с крестьянами был невелик, но он сознавал, что особых достижений там не было. На некоторых членов «Земли и Воли» произвел впечатление очевидный успех методов Дейча и других в Чигиринском уезде, потому что они не увидели в нем опасности для самих основ народничества; но Плеханов к ним не относился. Он категорически возражал против применения тактики обмана в дальнейшем². Это было одно из первых проявлений его неприязни к иррациональному поведению, которое он впоследствии считал типичным для крестьянства³.

² Плеханов рассматривал все общественные явления в рамках причинно-следственных связей, руководствуясь конкретно-историческим подходом. Поэтому «иррационализм крестьян», проявлявшийся в тех или иных социально-значимых вопросах, являлся для него показателем их социальной зрелости, уровня цивилизованности, а не генетическим свойством.— Прим. ред.

Вероятно, его также несколько беспокоило неумение молодежи, даже тех, кто открыто проповедывал народнические взгляды, перейти от слов к делу. В частности, он впоследствии ссылался на то, как трудно было найти желающих продолжать агитацию среди казаков осенью 1878 года³. Полной противоположностью был успех плехановской агитации среди рабочих, и это оставило след в его сознании. В статье, опубликованной в газете «Земля и Воля» в феврале 1879 года, он разоблачал как «совершенно ошибочное суждение» ту точку зрения, что городские рабочие «остаются без крупной роли в будущем социальном перевороте»⁴. Однако при этом следует подчеркнуть, что эти сомнения еще только мелькали в голове Плеханова; при всем значении, какое он придавал городским рабочим, для него центр тяжести будущей революции по-прежнему находился в деревне. Поэтому в разгар фракционной борьбы в «Земле и Воле» он с чистой совестью выступал от имени «деревенщиков».

При всех оговорках «деревенщиков», масштаб пропаганды и агитации в деревне в 1878—1879 годах действительно сократился. Однако это затишье не компенсировалось ростом пропаганды и агитации среди студентов, представителей различных профессий и рабочих в городах. Напротив, обстоятельства способствовали активизации «дезорганизации». Постоянные преследования народников со стороны правительства, частые случаи зверского обращения в тюрьмах взбудоражили революционеров до такой степени, что основной огонь они направили непосредственно на правительство. Они восторженно приветствовали покушение Веры Засулич на Трепова. Хотя это был индивидуальный акт, а не партийное задание, он во многом удовлетворил их жажду мщения и повлек за собой целую вереницу террористических актов против официальных лиц. В последующие месяцы было убито несколько должностных лиц, среди них — Н. В. Мезенцов, глава пресловутого Третьего Отделения⁵; преемнику Мезенцова, А. Р. Дренгельну, едва удалось избежать подобной участи. В начале 1879 года начали обсуждать идею убийства самого царя.

Политика террора привлекла многих революционеров, разочарованных отсутствием успеха в их деятельности среди крестьян, однако мнения расходились относительно положительных целей⁶. На одном полюсе находились те, кто не задумывался о значении своих предложений — они лишь хотели выразить свою ненависть к режиму самым

³ Государственный департамент, ведавший всеми делами полиции.

прямым и действенным образом. На другом было достаточно много народников, находившихся под влиянием Ткачева и полагавших, что террористическая деятельность может, в конечном счете, дезорганизовать правительство и позволить революционерам захватить власть. Между этими полосами находились люди, считавшие терроризм эффективным средством достижения желанных целей, но только целей гораздо более скромных, чем те, о которых говорили ткачевцы. Одни, и среди них Желябов, безоговорочно определяли эту цель как завоевание конституции и политических и гражданских свобод. Такие цели, однако, изначально отвергались большинством «террористов», сторонников бакунизма, презиравших «политику». Эти люди (вероятно, в своем большинстве) выступали за войну против самодержавия и против установления конституционного режима одновременно. Они рассматривали терроризм как средство заставить правительство прекратить вмешательство в их агитационную работу среди крестьян. Это была нелепая позиция, как впоследствии резко выразился один из землевольцев, требующих «одной свободы — свободы бунтовать»⁶. Но при всей своей неуместности, она могла быть привлекательной для тех «деревенщиков», кто готов был использовать любые средства в помощь агитации на селе, которую они твердо были намерены продолжать.

Большая часть террористических актов 1878 и начала 1879 годов проводилась людьми, связанными с «Землей и Волей», хотя сама организация не была их инициатором, и проводились они не от ее имени. Тем не менее, многие члены партии все больше вовлекались в деятельность такого рода, что потребовало выяснения партийной позиции по отношению к терроризму как методу борьбы. Предложение об убийстве царя, будь оно принято, потребовало бы концентрации сил и возможностей, и это и тем более вызывало необходимость как-то определить позицию. И что самое существенное, приходилось считаться с оппозицией новому направлению деятельности среди партийного руководства. Центром этой оппозиции, сначала скрытой, а затем все более явной, были «деревенщики» во главе с Плехановым.

Они не отрицали начисто все виды террора, не говоря уже о насилии. Относительно последнего плехановское словесное бичевание «миролюбивых» лавристов было типично для их позиции. В более узком смысле, ни Плеханов, ни его союзники не возражали против положения партийного устава о секции «дезорганизации», которая имела полномочия применять насилие к врагам партии. Живое учас-

тие Плеханова в волнениях, связанных с процессом и оправданием Веры Засулич, заставляет предположить, что он не менее других революционеров горячо одобрял ее поступок. Однако он возражал против повторения такой практики и, в особенности, против предложения убить царя. Для него и его фракции принятие этой политики означало бы искажение, если не прямое забвение, основных методов и целей народничества. Не зря их называли «деревенщиками» — они понимали народничество как «хождение в народ» и работу в народе для организации массовой революции, направленной против самих основ общественного порядка. В соответствии с таким представлением о революционном процессе, Плеханов выступал за развитие «массового терроризма» в деревне и на фабриках. Весной 1877 года он предлагал готовить крестьян к вооруженной борьбе, а год спустя сам принимал участие в поджоге фабрики, администрация которой нещадно эксплуатировала рабочих⁷. Но что общего имели эти операции с идеей одиночного противостояния революционной интеллигенции правительству, к тому же, главным образом, в столице? «Деревенщики» допускали вооруженную оборону и могли одобрить отдельные террористические акты ответного характера. Но они не считали такие методы эффективными и пригодными для выполнения целей народничества. Горстка революционеров, собравшихся в Санкт-Петербурге, едва ли сможет начать массовый переворот, рассуждали они; а без поддержки народа противники существующего режима не наберут сил для его свержения. Программа терроризма не облегчит проведение агитации в деревне, а только вызовет новые, еще более жестокие правительственные репрессии.

Кроме того, добавляли они, обращая удар непосредственно против правительства, террористы начинают *политическую* кампанию вместо того, чтобы обратить все свои силы на вопрос первостепенной важности — социальное и экономическое положение народа. Те, кто надеются завоевать политическую свободу с помощью индивидуального террора, утверждал Плеханов, неизбежно прощаются. Как он выразился: «На кончике книжала нельзя утверждать здания парламента»⁸. Не говоря о возможности осуществления, он отрицал саму идею создания конституционного правительства, считая ее несовместимой с анархистскими основами народничества. Это возражение оказалось для Плеханова решающим; и оно подчеркивает одно из тех качеств, которые отличали его от большинства революционных товарищей. Он уже склонялся к теоретическим интересам и концепциям и, в отличие

от других, уловил истинный смысл антигосударственных террористических актов и их несовместимость с традиционной народнической идеологией. Эту силу Плеханова в умении теоретически осмыслить явление, которая оказалась роковой для движения в целом, зорко подметил Михайлов, один из основных сторонников терроризма, впоследствии говоривший, почти наверняка имея в виду Плеханова: «Повсюду большинство желало одного — кровавой расправы с правительством. Но были люди, на которых теория оказывала, во всяком случае, большее влияние, чем логика событий, и они не разделяли эту точку зрения. Эти люди имели своих представителей в организации народников»⁹.

Более всех других «деревенщиков» Плеханов опасался, что, если не остановить террористическую деятельность, она скоро захватит все средства и всех людей в организации, и придется прервать всякую другую работу. Если дать террористам волю, предупреждал он, организация будет «вынуждена покидать одну за другой наши старые области деятельности подобно тому как Рим покидал одну за другой свои провинции под напором варваров»¹⁰. По его мнению, это будет не только губительным для движения, но и приведет к чрезвычайно неприятным последствиям для него лично. Во время обсуждения предполагаемого убийства Александра II стало ясно, что в случае его принятия предстоит временное закрытие газеты и отъезд из столицы всех не участвующих непосредственно в деле. Это положило бы конец литературной деятельности и работе Плеханова с рабочими — тем занятиям, которые поглощали все его внимание.

Плехановская критика терроризма полностью развернулась только в начале 1879 года. До этого не было оснований для тревоги, поскольку на весенней конференции руководителей «Земли и Воли» в 1878 году подавляющее большинство высказалось *против* принятия резолюции о расширении «дезорганизационной» деятельности¹¹. Однако, несмотря на это решение, летом и осенью 1878 года одно убийство следовало за другим. Плеханов мог бы начать испытывать некоторое беспокойство, если бы не появилось еще одно чрезвычайно убедительное доказательство необоснованности его опасений. В первом выпуске «Земли и Воли» один из трех редакторов — Сергей Кравчинский — в своей статье определил роль и взаимоотношения революционеров и масс, а также политики террора и задачи революционной работы в деревне: «Революция — дело народных масс. Подготавливает их история. Революционеры ничего направить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений.

Роль их заключается только в том, чтобы, организовав народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который, по непреложным законам истории, совершается в данный период. Вне этой роли они — ничто; в пределах ее, они — один из могущественных факторов истории.

Поэтому, основанием всякой истинно революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности. Во все времена, где бы и в каких размерах не поднимался русский народ, он требовал земли и воли. Земли — как общего достояния тех, кто на ней работает, а воли — как общего права всех людей распоряжаться своими делами».

По поводу террористической деятельности в редакционной статье говорилось следующее: «Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбою против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего... разрушить систему может только народ. Поэтому, главная масса наших сил должна работать в среде народа. Террористы — это не более, как охранительный отряд, назначение которого — оберегать этих работников от предательских ударов врагов. Обратив все наши силы на борьбу с правительственной властью — значило бы оставить свою прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной, временной»¹².

Плеханов мог бы написать эти пассажи сам — настолько они близки ему по духу. Особенно убедительным было то, что их написал человек, совершивший один из самых сенсационных террористических актов — сам убийца Мезенцова. Если Кравчинский занимал такую позицию, можно считать, что, по крайней мере, в октябре 1878 года разногласия между «деревенщиками» и «террористами» еще не определились. Однако они бурно развивались в последующие месяцы.

Несмотря на осуждение терроризма как метода революционной борьбы такими людьми, как Кравчинский, в конце 1878 и в первые месяцы 1879 года «Земля и Воля» уделяла все больше сил и средств на организацию террористических актов. Рост симпатий революционеров к тайной войне выразился в убийстве агента тайной полиции при покушении на нового начальника Третьего Отделения Дрентельна и, наконец, в покушении на самого царя (2 апреля 1879 года) — и все это меньше чем за месяц. Кравчинский к тому времени уехал за границу, а Морозов — третий редактор «Земли и Воли» — решил дать теоретическое обоснование терроризма и той борьбы против государственной

власти, которую Кравчинский определял как «побочная, временная цель». Статьи Морозова были напечатаны не в «Земле и Воле», а в отдельной серии листовок, издававшейся теперь уже оформившейся террористической группой петербургской организации «Земли и Воли». 15 марта, всего через два дня после нападения на Дрентельна, Морозов заявил: «Политическое убийство — это самое страшное оружие для наших врагов»¹³.

Рост практики терроризма, которая теперь подкреплялась теоретическими аргументами, привел к ужесточению позиций Плеханова и «деревенщиков», входивших в партийный центр.

Плеханов подверг сомнению целесообразность убийства Дрентельна, выдвинув план «городского, экономического террора», в который могут перерасти стачки рабочих. Однако за убийство проголосовали единогласно, воздержался только Плеханов¹⁴. Когда Морозов опубликовал статью, оправдывавшую политические убийства, Плеханов и его сторонники выразили протест не только в связи с содержанием, но и с тем, что Плеханов, также редактор «Земли и Воли», не имел возможности прочитать работу до опубликования. Плеханов был глубоко обеспокоен направлением, которое принимает политика партии, и настоял на созыве конференции для выяснения соответствия взглядов Морозова партийной программе¹⁵. Таким способом он рассчитывал противопоставить настроенной на террор петербургской группе, настойчиво захватывающей в свои руки дела организации, вес своей фракции, члены которой были рассеяны по всей стране.

Фракционная борьба в Петербурге достигла своего апогея в марте 1879 года. По инициативе некоего Соловьева*, предложившего царубийство, Михайлов представил это предложение на заседание руководителей партии. Отклоняя предложение, Плеханов, внешне спокойный, подчеркнул ущерб, который терроризм может нанести движению в целом, препятствуя проведению всех других видов партийной деятельности. Один из «деревенщиков» — М. Р. Попов — пригрозил предупредить жертву готовящегося покушения, с тем чтобы расстроить планы террористов. «Это донос, — вскричал один из террористов, — мы с вами будем поступать, как с доносчиками!» На что Попов

* Соловьев А. К. (1846—1879) — член группы В. Н. Фигнер, стоявший на позициях организации «Земля и Воля». После неудавшегося покушения на Александра II казнен через повешение. — Прим. ред.

отвечал: «То есть как, не хотите ли вы нас убивать? Если так, то не забывайте, что мы стреляем не хуже вас»¹⁶.

В эту минуту раздался звонок, и Михайлов воскликнул: «Господа, полиция!.. Конечно, мы будем защищаться?» «Конечно!» — в один голос откликнулись и «террористы», и «деревенщики», выхватывая револьверы. Тщательная проверка показала, что тревога была ложной. Ясно было, что, отвергая массовую практику убийств, противники террора не возражали против вооруженных столкновений. По завершении дискуссии было принято весьма неуклюжее компромиссное решение. Чтобы избежать открытого разрыва, нежелательного и по идейным, и по соображениям ведения совместной работы, партия формально отказывалась поддержать покушение Соловьева на царя, но при этом допускала содействие со стороны отдельных ее членов, если они этого пожелают. «Но,— вспоминал Плеханов много лет спустя,— мы, народники, шли по домам, унося с собой то убеждение, что старое, некогда образцовое единство общества „Земля и Воля“ было разрушено, и что теперь каждое направление пойдет своей дорогой, не заботясь, да же и не имея нравственной возможности заботиться, об интересах целого»¹⁷.

2 апреля, когда царь выходил из дворца на утреннюю прогулку, Соловьев выстрелил в него, но промахнулся. Он был тотчас же схвачен полицией. Как и предсказывали «деревенщики», правительство немедленно возобновило репрессии: разгромило недавно созданную рабочую организацию — Северный союз русских рабочих; произвело массовые аресты; и в последующие месяцы было казнено около десяти революционеров. Вновь революционеры оказались перед необходимостью принять решение, на этот раз еще более настоятельной: продолжать ли идти по тому же пути, пока Александр II не будет убит, или вернуться к работе в деревне. Вопрос требовал четкого и авторитетного ответа, и дать его мог только съезд партии. Основные разногласия между «деревенщиками» и «террористами», отразившиеся в редакционных дебатах Плеханова и Морозова, были вынесены на съезд «Земли и Воли», созданный в июле 1879 года в Воронеже, который стал важным событием в истории революционного движения и в личной жизни Плеханова.

Наставная на созыве съезда, Плеханов, вероятно, считал, что сумеет провести резолюцию в поддержку старой программы «Земли и Воли», где основной упор делался на массовую работу в селе и в городе, а «дезорганизационная» работа была строго ограничена. Мень-

шинство в Петербурге, которое поддерживало его в борьбе против сторонников политического террора, соединится с единомышленниками, ведущими пропаганду и агитацию в деревне. «Террористы» рассуждали подобным образом и, чтобы не оказаться в меньшинстве, а также, чтобы составить планы на будущее в случае, если съезд действительно закончится разрывом, перед самым совещанием в Воронеже тайно собрались в Липецке¹⁸.

В Липецке фракция сторонников террора во главе с Михайловым, Морозовым и Тихомировым приняла краткую программу новой революционной организации. Основной параграф, в более позднем изложении Морозова, гласил: «Наблюдая современную общественную жизнь в России, мы видим, что никакая деятельность, направленная к благу народа, в ней невозможна вследствие царящего в ней правительственного произвола и насилия. Ни свободного слова, ни свободной печати для действия путем убеждения в ней нет. Поэтому всякому передовому общественному деятелю необходимо прежде всего покончить с существующим у нас образом правления, но бороться с ним невозможно иначе, как с оружием в руках. Поэтому мы будем бороться по способу Вильгельма Телля до тех пор, пока не достигнем таких свободных порядков, при которых можно будет беспрепятственно обсуждать в печати и на общественных собраниях все политические и социальные вопросы и решать их посредством свободных народных представителей»¹⁹.

В соответствии с принятой программой, совещание провозгласило убийство Александра II задачей первостепенной важности. Что бы ни произошло в Воронеже, ничто не помешает им привести в действие смертный приговор царю. А для того, чтобы их позиция оказалась решающей и в Воронеже, Липецкая группа планировала ввести в состав делегатов съезда трех человек из своего числа, не состоявших в партии. Из происшедшего на съезде можно понять, что группа также разработала весьма тонкую стратегию, которая могла обеспечить ей победу: создавая видимость выработки примирительной политики, желая привлечь «умеренных» и, таким образом, изолировать Плеханова и «крайних» «деревенщиков».

24 июня 1879 года чуть больше двух десятков революционеров, словно на пикник, на лодках отправились на песчаный островок возле Воронежа, чтобы провести первое заседание партийного съезда²⁰. С самого начала «террористы» обезоружили «деревенщиков», единогласно поддержав кандидатуру представителя «деревенской» группы

на пост председателя заседания. Затем Михайлов выдвинул предложение о принятии в состав делегатов съезда и участия в нем трех членов липецкой группы, не состоявших в партии. Съезд проголосовал за это предложение, а затем дал разрешение и трем кандидатам, предложенным «деревенщиками». Однако их, в отличие от кандидатов «террористов», лишь включили в число участников, но на встрече они не присутствовали. То, что произошло дальше, показало, что «террористы» могли получить необходимые голоса и без применения столь сомнительных средств. Ибо, благодаря их гибкой тактике — да и не только ей — «деревенская» фракция, за исключением только Плеханова, вела себя по отношению к ним гораздо более мирно, чем они предполагали.

Сторонники террора быстро установили на заседании атмосферу, благоприятствующую их планам. Морозов зачитал последнее письмо Валериана Осинского — известного товарища, недавно казненного в Киеве²¹. Затем объявили о казни в Одессе Дмитрия Лизогуба, тоже всеми любимого. Так делегаты пришли в состояние высшего накала ненависти к правительству и готовы были принять положение завещания Осинского о терроризме как самом эффективном и единственном методе, который может использовать «Земля и Воля» в данных обстоятельствах.

Затем последовала дискуссия по партийной программе, и «террористы» выступали с подобающей скромностью. Они сочли уместным проголосовать вместе со всеми за утверждение старой программы партии, где цель партийной работы определялась как подготовка и проведение «экономической революции», а центральным ее звеном, по-прежнему, оставалась пропагандистская деятельность в народе. Единственная поправка к старой программе была предложена «деревенщиками»-практиками и касалась одобрения «аграрного» террора на селе, т. е. вовлечения недовольного крестьянства в террористическую деятельность против местных властей, кулаков и помещиков. Она была активно поддержана липецкой группой, предложение которой, во сути дела, обязывало «деревенщиков» поддерживать политический террор в городах. Этот вопрос стал следующим пунктом повестки дня и основным вопросом съезда.

В развернувшихся по нему бурных дебатах Плеханов, которому до этого не в чем было упрекнуть демонстративно мирно настроенных соперников, перешел в наступление. Желая разоблачить слабую, с точки зрения ортодоксального народничества, сторону позиции «террористов», он потребовал ответа на вопрос о том, чего они хотят до-

биться политическим террором. Тактика имела успех — в пылу спора Михайлов выпалил недвусмысленный ответ: «Мы получим конституцию... мы дезорганизуем правительство и принудим его к этому». Это отречение от партийной программы, за которую «террористы» только что проголосовали, вызвало гневные восклицания, а Плеханов возмущенно возразил, что для революционера-народника борьба за конституцию равносильна предательству дела народа. И уж во всяком случае, такие цели не достигаются через «дезорганизаторскую» деятельность. Она приведет только к усилению репрессий со стороны правительства и к его победе над революционерами. Единственное, на что здесь можно с уверенностью рассчитывать, так это на замену цифры II на III после имени Александр.

Желябов ринулся в атаку на Плеханова, заявив, что верит в открытую политическую деятельность и в возможность отказа от «классовой борьбы». Поскольку, по его мнению, завоевание политической свободы важнее всех других задач, он призвал с этой целью прийти к соглашению с либералами. Плеханов пришел в ужас от такой ереси и обвинил Желябова в желании сделать революционеров рабами либералов и их целей, заставить революционеров таскать для либералов каштаны из огня²². В ответ на утверждение Желябова о том, что в настоящее время все попытки развязать классовую борьбу масс обречены на неудачу, Плеханов указал на успехи среди фабричных рабочих. Неужели следует отказаться от этой работы? Желябов, в то время более промишательный, чем Плеханов, ответил, что стачки русских рабочих — акции политические и потому заслуживают дальнейшей поддержки²³. Этот яростный спор наглядно показал, что в сознании революционеров политическая борьба противопоставлялась социалистической деятельности.

Тихомиров попытался найти точку соприкосновения этих двух оппозиционных сил. Наконец, съезд принял компромиссную резолюцию о том, что политический террор как способ борьбы приемлем только в виде исключительной меры при особых обстоятельствах. Однако резолюция лишь сместила центр спора, но не дала ответ на вопрос, что делать в данных обстоятельствах. Тем не менее, можно считать, что в схватке победили «террористы», согласившиеся на определение терроризма как «чрезвычайного и исключительного», и тем самым убедив, если не Плеханова, то «деревенщиков» в целом, что, по сути, остаются народниками.

Обеспечив таким образом свое положение, сторонники террора были готовы к победе. Им удалось свести видимые расхождения с «деревенщиками» к минимуму. За немногими исключениями, «деревенщики» были согласны с ними в том, что нынешние обстоятельства *достаточно* «чрезвычайны и исключительны» и, следовательно, кампания по убийству царя может продолжаться до победного конца. В результате большинство делегатов проголосовало за оказание содействия «террористам», и те могли праздновать победу.

Плеханов сделал последнюю попытку избежать поражения и вернулся к обсуждению политики партии во время дискуссии по вопросу о партийной печати. И здесь большинство проголосовало против него, а Морозов, опубликовавший статьи в защиту политических убийств до обсуждения этой проблемы в партии, был признан невиновным в нарушении обязательств. Тогда Плеханов пришел в ярость и произнес гневную тираду, обвиняя съезд в разрыве с революционно-народническими традициями «Земли и Воли». Поскольку съезд намерен продолжать этот путь²⁴, заявил он, ему здесь делать нечего. И, развернувшись, направился в лес. Несколько прежних сторонников собрались пойти за ним следом, но после минутного размышления вновь заняли свои места. Когда он ушел, Вера Фигнер, сторонница политического террора, сказала: «Надо его вернуть». А Михайлов, в типичном стремлении не вмешивать чувства в вопросы политики, раздраженно отвечал: «Как бы ни было больно, мы не должны его возвращать». Тогда съезд проголосовал за то, чтобы считать Плеханова добровольно вышедшим из рядов «Земли и Воли». На следующий день Плеханов написал более взвешенное обращение к съезду с просьбой пересмотреть позицию, но делегаты не были настроены менять свое решение.

Сторонники террора до такой степени преуспели в получении одобрения съезда, что сочли ненужным создавать новую организацию. Все, что они задумали в Липецке, было узаконено в Воронеже. И, к тому же, удалось избавиться от Плеханова — главного противника нового направления. Его уход также означал, что отныне партийный орган можно без помех использовать в качестве рупора взглядов «террористов». Что касается «деревенщиков», большинство было довольно тем, что будущее их работы обеспечено.

Плехановское изложение того, что случилось в Воронеже, написанное почти через тридцать лет событий, интересно, но не следует принимать его на веру²⁵. Оно не только чрезвычайно противоречиво, но и

поведение всех участников истолковано неверно^{*}. Утверждение Плеханова, что он ехал в Воронеж с предчувствием поражения, похоже на размышления задним числом. Именно на съезде, а не до него, он понял, что «деревенщики» настроены на компромисс; сам он считал необходимым сделать четкий выбор в пользу агитации или террора. Он отвергал возможность компромисса из опасения, что стоит хоть в чем-то уступить терроризму, как он поглотит всю энергию и все средства партии. В своем рассказе он утверждает, что еще до созыва съезда решил уйти, если «деревенщики» не выступят единомышленниками против терроризма. Плеханов надеялся, что этот шаг укрепит их в решимости вести еще более серьезную борьбу против «дезорганизаторов». Однако одновременно он изображает дело так, будто сознавал маловероятность того, что резолюция против террора будет принята и, вследствие этого, шел на съезд с более скромной задачей — убедить делегатов ограничить расходы на «дезорганизаторскую» деятельность. Подобная линия поведения сама по себе представляла политику компромисса. Случилось так, что Плеханов покинул съезд до рассмотрения финансовых вопросов. После его ухода съезд выделил треть бюджета на ведение террористической борьбы и две трети — на работу в деревне. Несмотря на то, что Плеханов оставался в Воронеже все время, пока шли заседания, он был в курсе всех решений, не делая при этом попыток вернуться. Возможно, его поведение частично объяснялось узленной гордостью, однако неизмеримо больший вес имели принципиальные соображения, по которым он не признавал компромиссов.

Утверждая, что сам он был готов к компромиссу, а «террористы» победили именно благодаря своей ограниченности и непреклонности, Плеханов, в сущности, переинтерпретирует события в Воронеже. «Деревенщики» покинули своего лидера именно из-за его несгибаемости, в которой они усмотрели угрозу раскола. Каковы бы ни были тайные намерения «террористов», внешне они всячески старались показать готовность к соглашению с «деревенщиками». Тот факт, что они согласились на выделение двух третей партийного бюджета на работу для агитации в массах, убеждает, что это были не пустые слова — если только, как утверждают Попов и Аптекман, и это не было обманом,

^{*} Плеханов допускает неточности, если принять за образец описание Аптекмана — самое современное и полное и, к тому же, безоговорочно одобренное Плехановым (Сов. Т. 24. С. 310).

поскольку «террористы» знали, что с принятием их программы все фонды и личный состав волей-неволей пойдут на их деятельность²⁶. Примечательное отсутствие народнической фразеологии в Липецкой программе говорит в пользу этого мнения.

Обвинение Плеханова в адрес «деревенщиков», поступившихся принципами, справедливо. Но для них сущность обсуждавшегося вопроса была не столь очевидна, как для него. Поведение «деревенщиков» во многом определялось не теоретическими, а практическими соображениями. Если некоторые «террористы» считали своей задачей завоевание политической свободы, «деревенщики» видели и другие основания для того, чтобы поддержать их начинания. Террор, в сознании некоторых, ассоциировался с созданием мощной центральной организации, что было существенно для координации их работы на местах и для использования в качестве дубинки над головой правительства, если оно пожелает помешать деятельности народников. Другие понимали, что, поставив задачу казни царя, нужно ее выполнить; а после этого можно возобновить работу в деревне. Следует отметить, что большинство «деревенщиков» предпочитали компромисс с «террористами» расколу в самой эффективной революционной организации, замену которой найти будет нелегко²⁷.

Подавленный поражением, Плеханов уехал из Воронежа в Киев, где его ожидала Розалия Марковна Боград, с которой он жил уже несколько месяцев. Розалия Марковне было двадцать три года, происходила из зажиточной еврейской семьи, жившей в Херсоне, на юге России. Она училась на медицинских курсах при Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. Девушка разделяла революционные взгляды Плеханова и с сочувствием выслушала всю неприятную историю, произошедшую в Воронеже²⁸. Георгий был уверен, что движение обречено, если оно будет придерживаться нынешней тактики. Он, в частности, утверждал, что терроризм приведет к потере ценных связей с народом, а ради их установления так упорно трудились революционеры. И особенно его возмущали те из «деревенщиков», кому была близка его позиция на съезде, но «не хватило мужества» последовать его примеру и хлопнуть дверью. Горько было оказаться вне движения, которому он посвятил все свои силы.

Много лет спустя Розалия Марковна утверждала, что при всех неудачах, плехановский темперамент никогда не позволил бы ему оставить революционную карьеру ради жизни «кабинетного ученого»²⁹. Однако Дейч, ставший близким соратником Плеханова вскоре после

Воронежских событий, описывает позицию Плеханова после съезда совершенно иначе. По свидетельству Дейча, Плеханов говорил ему о своих тогдашних чувствах: «... тяжело было... Но у меня от всего имеется хорошее лекарство — стремление приобрести побольше знаний: если бы вы вернулись из-за границы не как единомышленники, а, наоборот, как террористы, и не состоялось бы распадение „Земли и Воли“, в которую я не вернулся бы, а целиком отдался бы наукам»³⁰.

Как бы сильна ни была его приверженность делу народа, Плеханов не способен был работать в движении, не разделяя его основных принципов. При отсутствии возможности работать на благо народа, не поступаясь собственными принципами, он вполне мог направить свой недюжинный талант на интеллектуальную работу, которую вынужден был оставить после ухода из Горного института.

Однако вскоре с возвращением Дейча, Стефановича и Веры Засулич, недавно ставших землевольцами и находившихся за границей во время Воронежского съезда, возникли новые революционные возможности. Друзья прибыли в Петербург в конце лета, и Плеханов поспешил на встречу с ними, уверенный в их сочувствии. Они быстро поняли друг друга, и Дейч, Стефанович и Засулич, с еще несколькими верными «деревенщиками», обещали держать Плеханова в курсе всех дел внутри организации. Они ясно дали «террористам» понять, что ожидают от них строгого соблюдения решений съезда, а не просто словесного камуфляжа. Они настаивали на том, что партия должна делать основной упор на пропагандистскую деятельность и соответственно распределять фонды, требовали права голоса в решении вопросов, касающихся газеты. Одновременно, вместо того чтобы помогать выполнению планов «дезорганизаторов», они занялись привлечением на свою сторону колеблющихся и независимых членов партии. На съезде Плеханов оказался в одиночестве, и «террористы» торжествовали; но в итоге плехановская фракция оказалась сильнее и настойчивее, чем прежде. Теперь тот раскол, которого многие опасались в Воронеже, казался неминуемым.

В октябре, наконец, было принято формальное соглашение о роспуске организации. Фонды следовало поделить между двумя группами. Обе группы обещали не использовать для своих организаций и будущих изданий название «Земля и Воля». Стороны обещали оказывать друг другу всевозможное содействие. Близкие, дружеские отношения революционеров, так много сделавших для того, чтобы избежать раскола в Воронеже, сделали возможным столь мирный раздел организа-

ции, когда разрыв стал неизбежным. Теперь фракция «террористов» фактически вернулась к своим липецким планам и образовала новую организацию — «Народная Воля». Фракция «ортодоксальных» народников выбрала название «Черный Передел», в знак своей приверженности старому стремлению народников к аграрной революции, которая поделит землю между крестьянскими общинами и заложит основы аграрного социализма в России. Плеханов не стал кабинетным ученым, а вновь вступил в революционный поток как главная фигура «Черного Передела».

С точки зрения Плеханова, разрыв в «Земле и Воле» был победой, или, во всяком случае, частичной победой. Организация активных революционеров и вся революционная энергия уже не будут брошены на террористическую деятельность; спасены люди и средства для сохранения и продолжения определенной программой народнической деятельности. Исключение элементов террора позволит, как считал Плеханов, развить сильное массовое движение. Но эти надежды очень скоро оказались лишь мечтами и игрой воображения. За несколько месяцев ход событий доказал, что не «террористы» непростительно отклонились от истинного курса революции, а что традиционалисты-народники завели себя в тупик.

О. В. Аптекман — летописец и один из ведущих деятелей «Черного Передела» — начинает свой рассказ об этом такими скорбными словами: «Не в „добрый час“ родилась организация „Черный Передел“. Не дал бог жизни ей — и она зачахла спустя три месяца»¹¹. Очевидно, он считает датой ее гибели 22—24 января 1880 года, когда, в результате политических облав, была захвачена типография группы и арестованы почти все ее члены, находившиеся в пределах страны. Однако можно возразить, что «Черный Передел» выдохся задолго до этого; ибо, как ясно видно из описания Аптекмана, организация так и не сумела перейти от планов к действиям. Если считать, что она все же начала работать, тогда она прожила несколько дольше, чем полагает Аптекман. Он был одним из арестованных в январе 1880 года, поэтому не удивительно, что для него конец движения как бы совпал с этим событием. Однако некоторым членам организации, Плеханову, Засулич, Дейчу и ряду других, удалось бежать из страны, и их стараниями она продержалась еще около года. В России Аксельрод, который вступил в организацию в декабре и сумел укрыться от полиции, воссоздал несколько маленьких молодежных групп и установил связь с переделыва-

ми за границей³². Но, в конечном счете, группа угасла, не оставив, за исключением нескольких номеров газеты, почти никаких следов.

Все начиналось с больших надежд. В первом номере газеты Плеханов от имени новой организации подтвердил верность традициям народничества: «...„Земля и Воля“ по-прежнему останется нашим практическим, боевым девизом, так как эти два слова наиболее полно и широко выражают народные потребности...»³³. Но не успели эти слова появиться в печати, как была продемонстрирована невозможность их выполнения. Слишком ясно было, что «Народная Воля» гораздо привлекательнее для новых участников движения, нежели «Черный Передел»; как раньше агитационные методы бунтарей победили пропаганду лавристов, так теперь пропаганда террора одержала победу над бакунизмом. Как и прежде, нетерпеливые радикалы предпочитали планы действий, сулившие самый открытый и действенный бой с врагом. Они жаждали скорых результатов и, отдавая должное искренности передельцев, не выражали желания тратить время на такие, сравнительно скромные дела, как агитация. Кроме того, к 1879 году движение «в народ» уже пережило свой подъем, и немногие молодые люди были готовы к трудностям работы с крестьянством.

Подобное отношение было свойственно не только убежденным сторонникам террора. Плеханов и другие «передельцы» встречали много студентов, говоривших то же, что говорили прежние народники; однако не многие из них желали действовать по их примеру. Еще более обескураживал тот факт, что значительная часть прежних народников стала находить деревенскую жизнь невыносимой и потянулась обратно в города. Новичков в организации было немного, закаленные народники падали духом, и, в результате, все ограничилось обсуждением честолюбивых планов масштабной агитации на селе. «Черный Передел» потерпел полный крах на том участке, где должен был совершиться основной прорыв.

Стало очевидно, что нужно либо полностью отказаться от революционной деятельности, либо переключиться на работу с городским населением. Оппозиционные элементы среди представителей образованных слоев, хотя и по иным причинам нежели студенты, в основном, разделяли политические установки народовольцев, однако определенное неприятие террора снижало степень их активности. Несомненно, некоторые надеялись, что террористы вынудят правительство пойти на серьезные уступки обществу. Поэтому и здесь, как и среди крестьян, «передельцы» не находили поддержки.

Частично памятуя о своих прежних успехах, а также по причине отсутствия другого выхода, Плеханов предложил передельцам заняться агитацией среди фабричных рабочих³⁴. Убедительным доводом было то, что рабочие сами искали помощи; поскольку рабочие, в сущности, тоже были крестьянами, революционеры могли вести агитацию среди них, не нарушая своей программы; и в случае успеха, у организации будет больше шансов привлечь новичков из интеллигенции.

Предложение было принято. Но перспектива плодотворной деятельности в рабочей среде вскоре оказалась иллюзией. Плеханов восстановил связи со своими прежними друзьями среди рабочих, в том числе со Степаном Халтуриним, организатором «Северного союза русских рабочих», но не смог противостоять огромному престижу «Народной Воли». Даже несмотря на усиление правительственных репрессий, последовавших за террористическими актами, невозможно было заниматься никакой революционной деятельностью, кроме организации новых покушений. Передовые рабочие, ранее отвергавшие терроризм, но считавшие политическую свободу основным фактором развития рабочего движения, один за другим вступали в ряды террористов³⁵.

В конце концов, Халтурин, чью преданность общему делу Плеханов так ценил, попросил Плеханова связать его с террористами. Плеханов с неохотой согласился. Трибун народников имел все основания для отчаяния, когда этот, наиболее светлый, талантливый представитель петербургского пролетариата вступил на путь, который он «считал вредным для роста и для достижения конечной цели русского революционного движения...»³⁶. В результате Халтурин сыграл ведущую роль в третьем покушении на царя в феврале 1880 года. Это он пронес динамит в царскую столовую в Зимнем дворце, но попытка оказалась неудачной, так как царь опоздал к обеду.

Кроме того, «передельцам» досаждала полиция, охотившаяся за всеми революционерами после 10 ноября 1879 года, когда агенты «Народной Воли» совершили неудачную попытку взорвать поезд, в котором ехал самодержец. По иронии судьбы, полиция считала Плеханова вдохновителем первого, состоявшегося весной 1879 года, покушения на царя и прилагала все силы, чтобы задержать его. Поэтому, оказавшись в конце 1879 года в Петербурге, Плеханов и Розалия Марковна приняли все меры предосторожности³⁷. Прежде всего, необходимо было добыть хорошие бумаги; они были изготовлены за несколько часов на имя почтенного господина из провинции и его жены, и Пле-

ханов с Розалией Марковной сняли номер в гостинице, чтобы проверить их надежность (владельцы гостиниц и других заведений такого рода обязаны были передавать бумаги своих клиентов для проверки в полицию). Когда пришло время получать документы, толпа друзей, на случай возможного ареста, сопровождала Плеханова с Розалией Марковной в гостиницу. Розалия Марковна вызвалась пойти за документами, поскольку ее арест был бы менее чувствительным для революционного движения, и, наконец, настояла на своем, хотя Плеханов так сопротивился, что друзьям пришлось удерживать его силой. К всеобщему облегчению, девушка вернулась тут же: все бумаги были в порядке. Плехановы сняли квартиру в тихом месте. Георгий не только сбрил усы и бороду, но и предусмотрительно не выходил на улицу днем; читал, писал и брал еду, которую приносила хозяйка.

К концу года поползли слухи о том, что полиция намерена провести тщательную проверку документов всех, проживающих в столице. Тогда центр «Черного Передела» проголосовал за то, чтобы до окончания чрезвычайных полицейских мер отправить Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича за границу. В январе 1880 года четверка выехала из России на Запад. Всего через несколько дней после их отъезда вышел первый номер газеты «Черный Передел», а еще через несколько дней полиция захватила типографию, арестовала печатников и практически всех членов «Черного Передела», которые еще оставались в России.

Плеханов узнал о катастрофе вскоре после прибытия в Женеву. Падение «Черного Передела» означало кризис ортодоксального народничества. Ибо эта группа твердо стояла на тех принципах, которые Плеханов столь решительно защищал в Воронеже и после него, тем самым спровоцировав роспуск «Земли и Воли». Этот вызов своим идейным убеждениям он встретил смело и с пониманием. Не прошло и двух лет после создания «Черного Передела», как Плеханов сбросил путы народничества и предстал в совершенно новом качестве. На следующем этапе своего развития он становится пророком русского марксизма.